

СРЕДИ ГЕРОЕВ ГОЙТИСОЛО

Хуан Гойтисоло.
Ловкость рук. Прибой.
Цирк. Остров. Перевод с
испанского. Послесловие
Л. Осповата. Москва, Изда-
тельство «Прогресс», 1964.
620 стр.

С героями Хуана Гойтисоло я встретился дважды. На страницах его книг они потрясли меня какой-то особой психологической окраской. Это люди разных характеров и возрастов. Но их жизнь и поступки отмечены одной общей печатью — трагизмом судьбы, которую обрушил на испанский народ франкистский режим.

Сострадание вызывают морально искаленные молодые люди — Августин и Метралья со своими друзьями-сверстниками («Ловкость рук», «Прибой»). Ненависть будят депутат Гуарнер и дон Хулио — эти прихлебатели фалангистов («Ловкость рук», «Цирк»). Презрения заслуживают прожигатели жизни в курортном городке Торремолинос («Остров»). Но каким восхищением проникаешься к Хинеру — старому борцу за республику, чью волю не сломали ни тюремные застенки, ни тяжелая повседневная жизнь «на свободе» («Прибой»).

...И вот я встретился с героями Хуана Гойтисоло в жизни. Это произошло летом нынешнего года, вскоре после того, как четыре романа испанского писателя вышли в русском переводе в одной книге.

Душным и влажным июньским днем я спускался по Рамбла-де-лас-Флорес — бульвару Цветов — от центральной барселонской площади Каталунья к порту. Шумная многолюдная улица, по обе стороны которой тянутся торговые предприятия, казалось, жила какой-то беспечной и бесцельной жизнью. Самым тихим и безлюдным местом оказалась «Либрерия Помпей» — так назывался книжный магазин, что попался на пути.

— Хуан Гойтисоло? — жена хозяина, стоявшая за прилавком, сидела что-то припомнить. — Ах, да, когда-то были его книги. Теперь нет.

— Раскупили?

Она молчит, а я смотрю на плотно заставленные книгами полки. Многие суперобложки пожелтели от времени и пыли. Где-то между ними под потолком — выцветший портрет каудильо. С хищным взглядом, но тоже запыленный.

Нет, Гойтисоло она не читала. Столько дел в этой трудной жизни... Спрашиваю, какая книга в этом году самая популярная. Она протягивает традиционного на Западе формата детектив «Дом со странностями»

Агаты Кристи. Мы беседуем уже минут тридцать, а в «либрерию» не заглянуло ни души. Название «Помпей» казалось символическим. Представление о людской беспечности постепенно сменяется убеждением в душевной опустошенности тех, кто в нервном темпе дефилирует по Рамбла-де-лас-Флорес...

— Хуан Гойтисоло жил здесь, в Барселоне, — говорит на прощание хозяйка, — потом он, кажется, уехал в Париж.

С приближением вечера воздух становится еще более душным и липким. Дикие крики разрывают его над «Пласа де торос», где происходит очередная коррида. Зрители как замороженные следят за каждой деталью боя человека с быком. И потом долго до полуночи на площадях Каталунья и Эспанья будут стоять группы подростков и горячо обсуждать эти детали. Разве это не убежище, где они пытаются найти забвение от лицемерия, фальши, цинизма и бесчеловечности, которые разъедают франкистский режим? Почему же «коррида», а не «либрерия»? Да потому, что, растлевая молодое поколение, диктатура пытается привить ему аполитичность, заглушить в нем классовое самосознание.

Вот он, Метралья, стоит среди спорящих и больше всех кричит. Нет, в отличие от другого, гойтисоловского, он не вор, он грамотнее, ему удалось устроиться учеником шофера на автомобильном заводе.

— Политика, сеньор, меня не интересует, — бросает он, когда наконец удается нам поговорить. — Послушайте, что мне часто рассказывал отец, — продолжает Метралья, — повезли однажды скрюченного больного человека в горы к целебному источнику. Он мечтал вылечиться. Но коляска сорвалась и полетела в пропасть. А он кричит: «Боже, пусть я останусь таким скрюченным, но не лишей меня жизни»... Конечно, сеньор, где-то есть лучшая жизнь. Уехать бы куда-нибудь во Францию...

Мы захватили еще двух юношей и поехали на гору Монтжуи. Отсюда вся Барселона как на ладони. Но было уже темно, и значительная часть города лежала во мраке, едва прорезаемом тусклыми желтыми фонарями. И где-то совсем в кромешной мгле «десять тысяч (а может, куда больше) мужчин, и женщин, и детей в предместьях Барселоны существуют, словно личинки». А внизу, в порту, стояли залитые огнями иностранные океанские суда. Разговора о политике не было. Кто-то вслух мечтал уехать на одном из этих кораблей. «И никогда в жизни ноги нашей не будет в этой Испании, черт бы ее побрал».

И все-таки это не опустошенность души. Ведь в нее прочно запали семена ненависти к фалангистской клике или, по крайней мере, несогласия с окружающей действительностью. Кое-кто из юношей, как и дети Хинера, не хотят слушать о битве, которую вели их отцы за республику. Но им навсегда останется чужд и господствующий сейчас режим. Они все больше осознают, что он

СРЕДИ КНИГ

делает их «скрюченными». А это ведь первый шаг к борьбе за перемены в жизни.

Чем пристальнее всматриваешься в сегодняшнюю жизнь испанского народа, тем больше убеждаешься, что борьба эта уже идет. Именно она, ее идеи начинают составлять главное для внутреннего пусть еще мирка, а не мира большинства испанцев.

Коммерческие центры Барселоны или Мадрида соперничают по своей фешенебельности с парижскими Елисейскими полями. Здесь даже «парковка» автомобилей становится проблемой, и в столице под одной из главных площадей заканчивается строительство подземного трехъярусного гаража. Но попав на рабочие окраины и особенно в сельские районы, видишь, до какой остроты довел режим Франко контраст между роскошью буржуазно-помещичьего меньшинства и бедностью трудового люда. Там, где царствует нищета, рождается не только ненависть к Франко, но и сознание необходимости свергнуть его режим, чтобы покончить с чудовишной социальной несправедливостью.

Резкую критику франкистского режима я услышал однажды и там, где, казалось, меньше всего можно было ее ожидать. Это случилось в холле отеля для избранных гостей под Барселоной, куда мы заехали с двумя предпринимателями после прогулки по курортным окрестностям каталонской столицы. Это местечко напоминало несколько тот самый «остров», чьих обитателей в ядовитой сатирической форме высмеивает Хуан Гойтисоло. Крупные политики и дельцы приезжают сюда в поисках «сладкой жизни». Здесь же наслаждаются нежным дыханием Средиземного моря богатые туристы из США, Франции и ФРГ. Туристский сезон еще не начался, но угар бесшабашности и нервного веселья уже чувствовался повсюду. Подагрические и распутные доны хулио, нравственно одичавшие романы и григории самозабвенно развлекались, прожигая жизнь.

И вдруг в разговоре, который неожиданно принял серьезный оборот, раздались резкие голоса.

— Испания не может больше оставаться в изоляции, в которой она оказалась по своей вине, — говорил один из моих спутников. — Но разве она выйдет из нее, если в политике все останется по-прежнему?

Прожженные приверженцы фаланги, перестав улыбаться, стали наперебой расписывать заслуги каудильо, состоящие, по их словам, прежде всего в том, что он обеспечил «внутренний мир» в стране на протяжении четверти века. Кстати, пышные плакаты и транспаранты на сей счет попадались чуть ли не на каждом шагу — официально отмечалось 25-летие франкистского режима. А обстановка «внутреннего мира» была похожа на обстановку перед грозой.

Формы борьбы найти не просто. Свою ненависть к уродливому, разъедаемому коррупцией обществу Агустин и его друзья пытаются разрядить в террористических действиях. Но это происходит в начале пятидесятых годов, когда опустившуюся

над Испанией долгую ночь впервые осветили вспышки антифашистской массовой борьбы. Испания 1964 года — это уже непрекращающиеся классовые бои, которые ведут шахтеры Астурии, металлургические рабочие Мадрида, рабочие Бильбао. Это все более решительное выступление против франкистской диктатуры даже тех кругов, которые еще вчера ее поддерживали — монархических и клерикальных. Подводные течения все больше размывают устои франкистского режима, и свое спасение он начинает искать в некоторой либерализации, а вернее, модернизации по типу западнобуржуазной демократии тех областей политической и общественной жизни, где до сих пор господствуют еще средневековая инквизиция и оголтелый фашизм.

Как-то один из журналистов сказал: «Хочешь взглянуть на барометр сдвигов в мышлении нашей элиты, поедим к «Чикоте». В годы гражданской войны здесь, в баре «Чикоте» на Виа Гранде, в центре Мадрида, любил писать Эрнест Хемингуэй. Затем его место заняли писатели и журналисты, вставшие на сторону франкистских мятежников. За какими столиками они тянули виски, вряд ли кто будет помнить, а где работал Хемингуэй — один столик при входе и другой в глубине зала, — здесь скажет любой. Показывал мне их Педро Чикоте, хозяин бара, известный сейчас больше как владелец уникальной коллекции, состоящей из двадцати тысяч различных бутылок с вином и расположенной в погребе бара. Сидеть за одним из этих столиков пришлось с 70-летним писателем, который старательно разглагольствовал мне, что для нового поколения испанцев будут привлекательными идеи коммунизма.

У студентов были каникулы. Среди невысоких современных зданий мадридского университета (старый в районе Саламанки был разрушен во время гражданской войны) царил тишина. Более оживленно выглядел университет в Барселоне. Расположенный на одной из центральных улиц, он и в это время не казался безлюдным. Там мы и встретились случайно с группой студентов, разодетых в средневековые капо (плащи) и короткие пышные штаны. Двое из них держали наперевес гитары. Ребята шли на вечеринку. Кто они — может, беспечные друзья Агустино, собравшиеся поискать забвения в фантасмагории «чумного дня»? «Нескольких наших друзей недавно бросили в тюрьму», — говорит один из них. Студенты распространяли листовки, призывающие к борьбе против Франко. Разве они не переросли в своем политическом сознании тех студентов, о которых рассказывает Гойтисоло?

Навстречу нам шли «зелено-черные, как жуки, жандармы». Это «гуардиа сивиль» — «гражданская гвардия», готовая в любую минуту покарать тех, кто заманется на режим Франко. Черные клеенчатые фуражки с тупыми затыльниками придавали им еще более тупой вид.

Владелец маленького бара возле Пласа Майор в Мадриде налил нам черпаком из

большой глиняной посудины красного вина. Мы с удовольствием выпили по стакану. Потом человек, с которым я пришел, попросил у хозяина «бота» — небольшой мех для вина. Поднял его на вытянутой руке, запрокинул голову, и тоненькая темно-бордовая струйка полилась в рот. Он пил не глотая.

— Вот так пьют настоящие испанцы, — сказал он. Потом добавил: — А у меня в жизни было десять лет, за которые я не выпил ни капли нашего вина...

Мне хотелось бы назвать имя этого человека. Сам он говорил:

— Будешь писать, имя можешь не скрывать, плевал я на них.

Но я все же назову его условно — Хинер. Он многим похож на гойтисоловского Хинера, только посильнее его духом и волей, да и сын этого Хинера продолжает дело отца. Когда мы впервые с ним встретились и он узнал, что я из Москвы, он обнял меня, горячо вздохнул: «Товарищ», — и вытер сверкнувшие на глазах слезы.

Десять лет, которые Хинер вспомнил в баре, — это десять лет тюрьмы, куда он был брошен, как активный борец за республику. Он сражался с фалангистами, защищая Мадрид. «Жизнь моя не была бесцельной, несмотря на видимые неудачи, в ней был смысл». Этот смысл Хинер видит сейчас в том, чтобы активно бороться за правое дело освобождения трудящихся своей родины.

К нашему столу подсаживались люди, судя по всему — рабочие, они обменивались крепкими рукопожатиями. Их немногословные обращения друг к другу говорили о товарищеском взаимопонимании.

— Наши усилия, — как бы повторяли они слова гойтисоловского Хинера, — не пропали даром. Мы можем и должны начать все сначала.

...По Рамбла-де-лас-Флорес и Виа Гранде крутятся водовороты людей. Нет, не беспечна и не бесцельна их жизнь.

Л. КАМЫНИН

Camilo José Cela.
Las compañías convenientes
y otros fingimientos y cegueras. Barcelona, Ediciones Destino, 1963.

НОВЫЕ КНИГИ КАМИЛО ХОСЕ СЕЛЫ

Без творчества Камило Хосе Селы нельзя представить себе испанскую литературу последних 20 лет. Дело, конечно, не в том, что и в статьях, и на суперобложках книг Селу давно называют «первым прозаиком» и «лучшим писателем» современной Испании. Такой успех мог бы выпасть на долю официального литератора. Однако Селу никак нельзя назвать официальным; он пишет очень много, во многих жанрах

(очерки, путевые заметки, рассказы, романы), и нигде не встретишь у него того слащавого и трескучего оптимизма, который характерен для франкистской литературы. Его можно было бы назвать юмористом — но только на первый взгляд; юмор его горек, мир его книг — страшен и нелеп. Молодые и мятежные писатели последнего десятилетия — братья Гойтисоло, например, или Матуте — конечно пишут о зле и прямее и резче. У Селы (который называет себя не пессимистом, а «удивленным») горечь упреков направлена не против строя, а против времени. И как раз в последних двух сборниках («Приличные знакомства и другие выдумки и наваждения» и «Притон отверженных, или Мешанина брехни и бахвальства») тема «дурного времени» звучит особенно отчетливо. Признаки этого «дурного времени» различны — от страшных до просто нелепых, но все они говорят об одном и том же: гибнет личность. Чтобы писать об этом во франкистской Испании, надо иметь большое мужество.

В очерке «Учись быть мужчиной. Подробности письмом» Села сравнивает юность своего поколения с юностью нынешнего. Его друзья «готовились к великим подвигам»; теперь они прозябают. «Их судьба трагична и прекрасна, как судьба бедной книжной героини. Кроме того, она поучительна, хотя это трудно объяснить, а увидеть сейчас — почти невозможно». Их сменили другие — «практичные и одинаковые». «Они уже не читают великолепных, дурацких книг и не толкуют пылко о том, чего не знают». «Нынешние молодые люди, на которых не нарадуются родители, затронуты, поражены, испорчены грехом подбодрости и соглашательства».

Конечно, все это более или менее традиционно и даже расплывчато, но ведь

СРЕДИ КНИГ